

Понятие правосознания (конца XIX – начала XX века)

Коваленко Ксения Евгеньевна

Алтайский государственный университет, Юридический факультет, Кафедра трудового, экологического права и гражданского процесса, Барнаул, Россия

E-mail: kovalenko1288@mail.ru

Теория правосознания является важной составляющей теории права и государства. Представления о том, что есть правосознание, каково его соотношение с правом, с моралью, каково его содержание и структура, цели и функции, - в конечном счете зависят от правопонимания, т.е. от ответа на вопрос, что есть право.

Поскольку в современной правовой теории существуют различные варианты правопонимания, соответственно имеются и различные концепции правосознания[1].

Исследования показывают, что многие теоретические положения правосознания устарели и требуют новых подходов, сама теория правосознания, в свою очередь, должна опираться на соответствующие реалиям современной России и её регионов эмпирические данные, которые должны быть получены с учетом новейших данных науки и с использованием современных методик исследования.

Сегодня большинство исследователей отмечают ключевую роль правосознания в сфере права. Тем не менее достаточно большой объем философско-правовой литературы, посвященной вопросам правосознания, не означает всестороннего исследования данного понятия. По мере увеличения числа работ выявляются новые проблемы в разработке ряда общих аспектов правосознания, возникает потребность в уточнении положений, которые, казалось бы, очевидны. В связи с этим представляется актуальным проследить эволюции понятия «правосознание», тем более что до сих пор отсутствует общепризнанное определение данной категории [2].

В дореволюционной философско-правовой литературе также не существовало единого определения правосознания. Чаще всего категория правосознания имела прикладное, эмпирическое, социально или психологически опосредуемое значение. Многие ученые (М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев, Г.Ф. Шершеневич и др.) понимали под правосознанием осознанную мотивацию участником правоотношений своего правомерного поведения.

Кроме того, некоторые исследователи отрицали разумный, рациональный характер правосознания, видя его сущность лишь в чувствах, интуиции. Так, Р. Иеринг писал: «На вопрос, что такое право, может ответить нам не рассудок, но лишь чувство; поэтому-то язык правильно называет психологический первоисточник всякого права правовым чувством. Правосознание, правовое убеждение суть абстракции науки, которые народу неизвестны: сила права, совершенно как и сила любви, основывается на чувстве; рассудок и понимание не могут заменить недостатка в чувстве»[3]. Такая позиция представляется не совсем верной, поскольку правосознание - понятие более широкое и кроме правовых чувств включает в себя и другие элементы. Подробнее об этом мы будем говорить ниже.

Г. Кельзен в своей концепции «чистой теории права» считал, что «правовая наука ни в коем случае не имеет дела с действительностью, с тем, чтобы установить эту действительность в каком-то соотношении с ценностью. Правовая наука вообще не имеет дела с бытием, но только с долженствованием, не с реальностью, а с идеальностью. Бытие и долженствование есть всеобщие мыслимые определенности, которые обосновали две области предметов: реальную и идеальную. Долженствование логически вытекает только из долженствования, а бытие обращено лишь к другому бытию»[4]. Исходя из этого

утверждения, правовое сознание и правовая наука - чисто нормативная сфера, стремление превратить концептуальное правосознание в описательную дисциплину, очищенную от «домыслов» относительно своей собственной сущности. «Строгая наука» не должна решать вопроса о целях человеческого поведения, смысле бытия, деяний человека и т.п., поскольку они (цели) могут фиксироваться теоретиком только как эмпирический факт, как стремления, интересы и потребности, которые правовед наблюдает. Задача правового сознания и этики, считает Г. Кельзен, - это построение конструкций при помощи норм должностования, и эти конструкции не имеют ничего общего с реальными процессами жизни. Они должны представлять собой некие нормологические образования, а действительная правовая система будет выражением их (конструкций) внутреннего единства, потому что право в реальном его содержании - это не система императивов, а система суждений, мнений и т.д., сформулированных правовой наукой[5].

Первая попытка обоснования теории правосознания была предпринята П.Н. Новгородцевым в одном из его главных трудов «Введение в философии права. Кризис современного правосознания» (1909 г.). Автор пришел к выводу о кризисе правосознания как следствии кризиса (на философско-теоретическом и практическом уровнях) индивидуализма и западноевропейских теорий правового государства, сложившихся в XVIII - XIX вв. И хотя Новгородцев не дал концептуального определения правосознания, в его работах содержится понимание этой категории как философско-правовой реальности.

Значение права как явления духовной правоты покоится на безусловной ценности духа, его содержании и состоянии[6]. Но это не значит однако, что та или иная правовая система, созданная в одно время, лишена неверных и несправедливых законов. Немалая несправедливость в государственном устройстве былых эпох отмечена историей, последствия ее неустранимо присутствует в нашей жизни. И все же сам факт наличия правил, подчас даже входящих в противоречие с общеразделяемой природой духа, не исключает духовного достоинства права. Решение задачи совершенствования права и оптимизации государственного устройства может быть осуществлено посредством достижения политического идеала, формулирования и внедрения в жизнь новой государственно-правовой идеологии.

Источники и литература

- 1) Поляков А. В. Введение в общую теорию государства и права: Курс лекций. СПб., 2003.
- 2) Юрашевич Н.М. Правосознание и право: Общность и различия // Государство и право. 2005. №7.
- 3) Иеринг Р. Борьба за право М., 1991.
- 4) Кельзен, Г. Отчужденное государство. М., 1999.
- 5) Коваленко К.Е. Учение И.А. Ильина о правосознании. М., Барнаул. 2014.
- 6) Kovalenko K.E. Some aspects of the new objective reality // Middle East Journal of Scientific Research. 2013. T. 16. № 6.